

Во стольном-то городе во Киеве
Да у ласкового князя да у Владимира,
У ёго было пированье, да был почестен пир.
А и было на пиру у ёго собрано:
Князья и бояра, купцы-гости торговы
И сильны могучи богатыри,
Да все поляницы да преудалые.
Владимир-от князь ходит весел-радостен,
По светлой-то гридне да он похаживает,
Да сам из речей да выговаривает:
«Уж вы ой еси, князи да нонче бояра,
Да все же купцы-гости торговые,
Вы не знаете ли где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне-ка да супротивницы,
Супротивницы мне-ка да красной девицы:
Красотой бы красна да ростом висока,
Лицо-то у ней да было б белый снег,
Очи у ней да быв у сокола,
Брови черны у ей да быв два соболя,
А реснички у ей да два чистых бобра?»
Тут и больш-от хоронится за среднего,
Да средн-ет хоронится за меньшего:
От меньших, сидят, долго ответу нет.
А из-за того стола из-за среднего,
Из-за той же скамейки да белодубовой
Выстават тут удалый да добрый молодец,

А не провелик детинушка, плечьми широк,

А по имени Добрынюшка Никитич млад.

Выстават уж он да низко кланяется,

Он и сам говорит да таково слово:

«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский!

А позволь-ко-се мне-ка да слово молвити:

Не вели меня за слово скоро сказнить,

А скоро меня сказнить, скорее того повесити,

Не ссылай меня во ссылочку во дальнюю,

Не сади во глубоки да темны погребы.

У тя есть нонь двенадцать да тюрем темных;

У тя есть там сидит как потюрёмщичек,

Потюрёмщичек сидит есть да добрый молодец,

А по имени Дунай да сын Иванович;

Уж он много бывал да по другим землям,

Уж он много служил да нонь многим царям,

А царям он служил, много царевичам,

Королям он служил да королевичам;

А не знат ли ведь он тебе обручницы,

А обручницы тебе да супротивницы,

Супротивницы тебе да красной девицы?»

Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:

«Уж вы, слуги, мои слуги да слуги верные!

Вы сходите-тко ведь нонче да в темны погребы,

Приведите вы Дуная сына Ивановича».

Тут и скоро сходили да в темны погребы,

Привели тут Дуная сына Ивановича.
Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:
«Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Иванович!
Скажут, много ты бывал, Дунай, по всем землям,
Скажут, много живал, Дунай, по украинам,
Скажут, много ты служил, Дунай, многим царям,
А царям ты служил, много царевичам,
Королям ты служил да королевичам.
Ты не знаешь ли ведь где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне да супротивницы,
Супротивницы мне-ка да красной девицы?»
Говорит тут Дунай как да сын Иванович:
«Уж я где не бывал, да нонче всё забыл:
Уж я долго сидел нонь да в темной темнице».
Еще в та поре Владимир да стольнокиевский
Наливал ему чару да зелена вина,
А котора-де чара да полтора ведра;
Подносил он Дунаю сыну Ивановичу,
Принимал тут Дунай чару да единой рукой.
Выпивал он ведь чару да к едину духу;
Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский!
Уж я много нонь жил, Дунай, по всем землям,
Уж я много нонь жил да по украинам,
Много служивал царям да я царевичам,
Много служивал королям я да королевичам.

Я уж жил-де-был в земли, да в земли в дальнее,
Я во дальней жил в земли да ляховинское,
Я у стремяна у короля Данила сына Манойловича;
Я не много поры-времени, двенадцать лет.

Еще есть у ёго да как две дочери.

А больша-то ведь дочи да то Настасия,

Еще та же Настасья да королевична;

Еще та же Настасья да не твоя чета,

Не твоя чета Настасья и не тебе жена:

Еще зла поляница да преудалая.

А мала-то дочи да то – Апраксия,

Еще та Апраксия да королевична;

Красотой она красива да ростом висока,

А лицо-то у ей дак ровно белый снег,

У ней ягодицы быв красные мазовицы,

Ясны очи у ей да быв у сокола,

Брови черны у ей быв два соболя,

А реснички у ей быв два чистых бобра;

Еще есть-де кого дак уж княгиней назвать,

Еще есть-де кому да поклониться».

Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:

«Уж ты ой, тихой Дунай да сын Иванович!

Послужи ты мне нонче да верой-правдою;

Ты уж силы-то бери да сколько тебе надобно,

Поезжайте за Апраксией да королевичной:

А добром король дает, дак вы и добром берите;

А добром-то не даст, – берите силою,
А силой возьмите да богатырскою,
А грозою увезите да княженецкою».

Говорит тихой Дунай да сын Иванович:

«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский,

Мне-ка силы твоей много не надобно,

Только дай ты мне старого казака,

А второго Добрыню сына Никитича:

Мы поедем за Апраксией да королевичной».

То и будут богатыри на конюшен двор;

А седлали-уздали да коней добрых;

И подвязывали седельшки черкасские;

И подвязывали подпруги да шелку белого,

Двенадцать подпруг да шелку белого,

Тринадцата подпруга через хребетну кость:

«То не ради басы, да ради крепости,

А все ради храбрости молодецкие,

Да для ради опоры да богатырского,

Не оставил бы конь да во чистом поли,

Не заставил бы конь меня пешом ходить».

Тут стоели-смотрели бояра со стены да городовые,

А смотрели поездку да богатырскую;

И не видели поездки да богатырское,

А только они видели, как на коней садились:

Из города поехали не воротами, -

Они через ту стену да городовую,

А через те башни да наугольные;
Только видели: в поле да курева стоит,
Курева та стоит да дым столбом валит.
Здрово стали они да полем чистым;
Здрово стали они да реки быстрые;
Здрово стали они да в землю в дальнюю,
А во дальнюю землю да в Ляховинскую
А ко стремяну ко королю ко красну крыльцу.
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж вы ой еси, два брата названные,
А старый казак да Илья Муромец,
А второй-де Добрынюшка Никитич млад!
Я пойду нонь к королю как на красно крыльцо,
Я зайду к королю нонь на новы сени,
Я зайду к королю как в светлу да светлицу;
А що не тихо, не гладко учинится с королем да на новых
сенях, -
Затопчу я во середи кирпичные,
Поезжайте вы по городу ляховинскому,
Вы бейте татаровей со старого,
А со старого бейте да вы до малого,
Не оставляйте на семена татарские».
Тут пошел тихой Дунай как на красно крыльцо, -
Под ним лисвенки-то да изгибаются.
Заходил тихой Дунай да на новы сени;
Отворят он у гридни да широки двери;

Наперед он ступат да ногой правою,
Позади он ступат да ногой левою;
Он крест-от кладет как по-писаному,
Поклон-от ведет он да по-ученому;
Поклоняется на все на четыре да кругом стороны,
Он во-первых-то королю ляховинскому:
«Уж ты здравствуешь, стремян король Данило да сын
Манойлович!» –
«Уж ты здравствуешь, тихой Дунай да сын Иванович!
Уж ты ко мне приехал да на пиры пировать,
Али ты ко мне приехал да нонь по-старому служить?»
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты, стремян король Данило да сын Манойлович!
Еще я к тебе приехал да не пиры пировать,
Еще я к тебе приехал да не столы столовать,
Еще я к тебе приехал да не по-старому служить,
Мы уж ездим от стольного города от Киева,
Мы от ласкового князя да от Владимира;
Мы о добром деле ездим да все о сватовстве
На твоей на любимой да нонь на дочери,
На молодой Апраксии да королевичне.
Уж ты дашь, ли не дашь, или откажешь-то?»
Говорит стремян король Данило Манойлович:
«У вас стольн-ёт ведь город да быв холопской дом,
А князь-от Владимир да быв холопищю;
Я не дам нонь своей дочери любимое.

Молодой Апраксии да королевичны».

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж ты ой, стремян король Данило да сын Манойлович!

А добром ты даешь, дак мы и добром возьмем;

А добром-то не дашь, – дак возьмем силою,

А силой возьмем мы да богатырскою,

Грозой увезем мы да княженецкою».

Пошел тут Дунай да вон из горенки,

Он стукнул дверьми да в ободверины, -

Ободверины-ти вон да обе вылетели,

Кирпичны-ти печки да рассыпалися,

Выходил тут Дунай как да на новы сени,

Заревел-закричел да громким голосом,

Затоптал он во середи кирпичные:

«Уж вы ой еси, два брата названные!

Поезжайте вы по городу ляховинскому;

Вы бейте татаровой со старого,

Со старого вы бейте да и до малого;

Не оставляйте на семена татарские».

Сам пошел тихой Дунай тут да по новым сеням,

По новым сеням пошел да ко третьим дверям;

Он замки-ти срывал да будто пуговики.

Он дошел до Апраксии да королевичны:

Апраксеюшка сидит да ведь красенца ткет,

А ткет она сидит да золоты красна.

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж ты ой, Апраксия да королевична!
Ты получше которо, дак нонь с собой возьми,
Ты похуже которо, да то ты здесь оставь;
Мы возьмем-увезем да тебя за князя,
А за князя да за Владимира».

Говорит Апраксия да королевична:
«А нету у меня нонь да крыла правого,
А правого крылышка правильного;
А нету сестрицы у мня родимые,
Молодой-де Настасьи да королевичны;
Она-то бы с вами да приуправилась».

Еще в та поре Дунай тут да сын Иванович
Он брал Апраксию да за белы руки,
За ее же за перстни да за злаченые;
Повел Апраксею да вон из горенки.

Она будет супротив как да дверей батюшковых,
А сама говорит да таково слово:

«Государь ты, родитель да мой батюшка!
Ты по що же меня нонь да не добром отдаешь,
А не добром ты отдаешь, да ведь уж силою;
Не из-за хлеба давашь ты да не из-за соли,
Со великого давашь ты да кроволития?
Еще есть где ведь где-ле да у других царей,
А есть-де у их да ведь и дочери,
Все из-за хлеба дают да из-за соли».

Говорит тут король да ляховинские:

«Уж ты, тихой Дунай, ты да сын Иванович!
Тя покорно-де просим хлеба-соли кушати».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
    «На приездинах гостя не употчевал,
    На поездинах гостя да не учёствовать».
Выходил тут Дунай да на красно крыльцо;
Он спускался с Апраксией да с королевичной;
    Садил-де он ей да на добра коня,
    На добра коня садил да впереди себя.
Вопил он, кричел своим громким голосом:
    «Вы ой еси, два брата названые!
Мы пойдём же нонь да в стольно-Киев-град».
Тут поехали они да в стольно-Киев-град,
А едут-де они да ведь чистым полем, -
Через дорогу тут лошадь да переехала,
А на ископытях у ней подпись подписана:
    «Хто-де за мной в сугон погонится,
    А тому от меня да живому не быть».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой, старой казак ты, да Илья Муромец!
Ты возьми у меня Апраксию да на своя коня,
    На своя коня возьми ты да впереди себя;
А хоша ведь уж мне-ка да живому не быть,
Не поступлюсь я полянице да на чистом поли».
А сам он старику да наговаривает:
    «Уж ты ой, старой казак да Илья Муромец!

Ты уж чёстно довези до князя до Владимира
Еще ту Апраксию да королевичну».

А тут-то они да и разъехались;

Поехал Дунай за поляницею,

А богатыри поехали в стольно-Киев-град.

Он сустиг поляницу да на чистом поли.

А стали они да тут стрелетися.

Как устрелила поляница Дуная сына Ивановича,

А выстрелила у его да она правый глаз;

А стрелил Дунай да поляницу опять, -

А выстрелил ей да из седёлка вон,

Тут и падала поляница да на сыру землю.

А на ту пору Дунаюшко ухватчив был;

Он и падал полянице да на белы груди,

Из-за налучья выхватил булатный нож,

Он хочет пороть да груди белые,

Он хочет смотреть да ретиво сердце,

Он сам говорит да таково слово:

«Уж ты ой, поляница да преудалая!

Ты уж коего города, коёй земли,

Ты уж коее дальнее украины?

Тебя как, поляница, да именём зовут,

Тебя как величают да из отечества?»

Лежочись поляница да на сырой земле,

А сама говорит да таково слово:

«Кабы я была у тя на белых грудях, -

Не спросила бы ни имени, ни вотчины,
Ни отечества я, ни молодечества,
Я бы скоро порола да груди белые,
Я бы скоро смотрела да ретиво сердце».
Замахнулся тут Дунай да во второй након;
А застоялась у ёго да рука правая;
Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, поляница да преудалая,
Ты уж коего города, коей земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, поляница, да именём зовут,
Тебя как величают да из отечества?»
Лежочись поляница да на сырой земле,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, тихой Дунай сын Иванович!
А помнишь ли ты, али не помнишь ли?
Похожено было с тобой, поезжено,
По тихим-то вёшным да все по заводям,
А постреляно гусей у нас, белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицей».
Говорит тут тихой Дунай сын Иванович:
«А помню-супомню да я супамятую;
Похожено было у нас с тобой, поезжено,
На белых твоих грудях да приулёжано.
Уж ты ой еси, Настасья да королевична!
Увезли ведь у вас мы нонь родну сестру,

Еще ту Апраксию да королевичну,
А за князя да за Владимира.

А поедем мы с тобой в стольно-Киев-град».
Тут поехали они как да в стольно-Киев-град
А ко князю Владимиру на свадебку.

А приехали они тут да в стольно-Киев-град,
Пировали-столовали да они у князя.

Говорит тут ведь тихой Дунай сын Иванович:
«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский!

Ты позволь-ко-ся мне-ка да слово молвити;
Хошь ты взял нониче меньшу сестру, -
Бласлови ты мне взять нонче большу сестру,
Еще ту же Настасью да королевичну».

Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:

«Тебе Бог бласловит, Дунай, жениться».

Веселым-де пирком да то и свадебкой
Поженился тут Дунай да сын Иванович.

То и сколько-ли времени они пожили,
Опеть делал Владимир да князь почестен пир.

А Дунай на пиру да прирасхвастался:

«У нас нет нонь в городе сильне меня,
У нас нету нонь в Киеве горазне меня».

Говорила тут Настасья да королевична:

«Уж ты ой, тихой Дунай да сын Иванович!

А старый казак будет сильне тебя,
Горазне тебя дак то и я буду».

А тут-то Дунаю да не зандравилось;
А тут-то Дунаю да за беду пришло,
За велику досаду да показалось.
Говорит тут Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Настасья да королевична:
Мы пойдём-ка с тобой нонь да во чисто поле;
Мы уж станем с тобой да нонь стреляться,
Мы во дальнюю примету да во злачень перстень».
И пошли-де они да во чисто поле.
И положила Настасья перстень да на буйну главу
А тому же Дунаю сыну Ивановичу;
Отошла-де она да за три поприща;
А и стрелила она да луком ярым-е,
Еще надвое перстень да расколупится,
Половинка половиночки не убьёт же.
Тут и стал-де стрелять опеть Дунаюшко:
А перв-от раз стрелил, дак он не дострелил,
А втор-от раз стрелил, дак он перестрелил.
А и тут-то Дунаю да за беду пришло,
За велику досаду да показалось;
А метит-де Настасью да он уж третий раз.
Говорыла Настасья да королевична:
«Уж ты ой, тихой Дунай, ты да сын Иванович!
А и не жаль мне князя да со княгинею,
И не жаль сёго мне да свету белого:
Только жаль мне в утробе да млада отрока».

А тому-то Дунай да не поверовал;
Он прямо спустил Настасье во белы груди, -
Тут и падала Настасья да на сыру землю.
Он уж скоро-де падал Настасье на белы груди, -
Он уж скоро порол да груди белые,
Он и скоро смотрел да ретиво сердцо;
Он нашел во утробы да млада отрока:
На лбу у него подпись-то подписана:
«А был бы младень этот силен на земли».

А тут-то Дунаю да за беду стало,
За велику досаду да показалось;
Становил ведь уж он свое востро копьё
Тупым-де концом да во сыру землю,
Он и сам говорил да таково слово:
«Протеки от меня и от жены моей,
Протеки от меня, да славный тихой Дон».
Подпирался ведь он да на востро копьё, -
Еще тут-то Дунаю да смерть случилась.
А затем-то Дунаю да нонь славы поют,
А славы-то поют да старины скажут.